

9. *Виноградов, В.В.* О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Худ. литература, 1959. – 655 с.
10. *Гоголь, Н.В.* Избранные сочинения / Н.В. Гоголь. – М.: Худ. литература, 1987. – 703 с.
11. *Холобаева, Д.П.* Стиль Н.В. Гоголя: семантика плеоназов и мнимых тавтологий / Д.П. Холобаева // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. РАН ИНИОН; Центр гуманист. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; редкол.: Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 2008. – С. 77–85.
12. *Лотман, Ю.В.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: кн. для учителя / Ю.В. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

SUMMARY

The research was made on the material of the poem «Dead Souls» by N. Gogol. The results of this analysis revealed that the characteristic of a language personality through the psychogloss prism allowed to show the matters of an artistic image, to comprehend a place of the character in the system of all other artistic images, to create one of the possible variants of «an art model of the person». The reconstruction of the individual image due to the language reflected in various types of psychoglosses, helps to reflect individual and social things in character's language and reveal a kernel of his character.

Поступила в редакцию 17.11.2011 г.

УДК 81'255.2:[811.161.1+811.161.3+811.162.1]

*А.С. Русских, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания БГПУ*

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО НА БЕЛОРУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА)

Интерпретация стилистически окрашенной лексики при переводе художественного произведения – одна из наиболее сложных задач для переводчика, поскольку поиски коррелята для лексемы оригинала усложняются наличием в ней не только денотативного, но и коннотативного стилистического значения. По замечанию В.В. Виноградова, «в структуре художественного произведения – в зависимости от его идейного содержания, от сферы изображаемой действительности и творческого метода автора – могут сочетаться, сталкиваться и вступать во взаимодействие очень разнообразные стили литературного языка и народно-разговорной речи» [1, с. 200]. Задача переводчика – адекватно воспроизвести в рамках переводного текста используемые автором стилистически маркированные языковые единицы.

Особую актуальность в настоящее время приобретает исследование возможностей перевода стилистически маркированной лексики на близкородственные языки: несмотря на генетическую близость славянских языков, их лексико-фразеологический состав может значительно различаться. Различия касаются не только лексической наполненности трех стилей, но и эмоционально-экспрессивной окраски тождественных по денотату межъязыковых словарных эквивалентов.

В качестве объекта исследования были отобраны стилистически маркированные лек-

сические единицы, входящие в состав юмористических рассказов А.П. Чехова «Налим», «Дочь Альбиона», «Смерть чиновника», «Лошадина фамилия», и их корреляты в текстах переводах на белорусский (К.К. Атрахович) и польский (J. Bissinger) языки.

Жанр короткого рассказа предполагает особое отношение к тексту: невозможность развернутого описания требует максимальной информативной отдачи от каждого слова. Поэтому в рассказах Чехова каждое слово – единственно возможное. Одним из основных приемов создания комического в анализируемых произведениях является прием стилистического смещения, который заключается в перемещении лексем одного стиля речи в другой. Комизм в данном случае создается за счет нарушения стилистического строя повествования и употребления в речи героев лексических единиц с неожиданной стилистической маркированностью.

Чаще всего прием стилистического смещения проявляется в использовании литературно-книжной лексики при описании событий подчеркнуто бытового характера. Например: *Горбатый Любим захлебывается, и воздух оглашается резким, судорожным кашлем* («Налим»), *Мисс Тфайс хладнокровно переменила червячка, зевнула и закинула удочку* («Дочь Альбиона»), *Червяков сконфузился, глупо улыбнулся, и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чув-*

ствовал («Смерть чиновника»), Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, **думы** его были напряженны, **мучительны**... («Лошадиная фамилия»).

Употребление сниженной разговорной и даже просторечной лексики также служит одним из способов создания комического эффекта и встречается как в речи героев, так и в авторском повествовании. Например: **Вылазь, ну ты к лешему! Я сам вытащу!** («Налим»), **В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал** («Смерть чиновника»), **Дернул же меня черт привыкнуть к этой ловле! Знаю, что чепуха, а сижу! Сижу, как подлец какой-нибудь, как каторжный, и на воду гляжу, как дурак какой-нибудь!** («Дочь Альбиона»), **Помню, фамилия лошадиная, а какая – из головы вышибло**... («Лошадиная фамилия»).

Однако наиболее ярким способом создания комического эффекта в рассказах А.П. Чехова является прием стилистического парадокса, который заключается в столкновении в одном контексте стилистически разнородных единиц, несовместимых по языковым нормам. Именно наложение лексем, относящихся к разным по стилистической маркированности рядам, ведет к раскрытию таких черт героев, как несоответствие между высоким мнением человека о своей моральной, общественной, интеллектуальной значимости и его фактической ценностью, поглощенность людей индивидуальными интересами, образом поведения, ходом мысли. Например: **Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции, он изгибается и, стараясь не набрать в рот воды, начинает правой рукой шарить между корягами** («Налим»), **Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство** («Смерть чиновника»), **Погляди: лозит и священнодействует! С презрением на все смотрит... Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы** («Дочь Альбиона»), – **Его в Саратове каждая собака знает, – сказал приказчик. – Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть**... («Лошадиная фамилия»).

При переводе литературно-книжной лексики с русского языка на белорусский и польский переводчики используют следующие виды межъязыковых коррелятов:

1. Единицы с тождественной стилистической маркированностью. Например, рус.: *Минута проходит в молчаливом созерцании* [2, с. 76] – бел.: *Хвіліна праходзіць у*

маўклівым сузіранні [3, с. 32], польск.: *Minuta mija w milczeniu na oglądaniu* [4, с. 67].

2. Единицы с иной стилистической маркированностью. Подобная переводческая трансформация встречается в проанализированных текстах чаще, чем сохранение стилистической маркированности оригинала. Вместо литературно-книжных лексем в переводных текстах чаще употребляются слова, принадлежащие к нейтральному стилю, что объясняется спецификой лексической наполненности высокого литературного стиля анализируемых языков. Значительный пласт русской книжной лексики составляют старославянизмы, что связано со спецификой языковой ситуации на начальных этапах формирования русского литературного языка. Поскольку старославянская лексика в контексте литературного произведения по объективным причинам не может быть переведена посредством эквивалентных в стилистическом плане единиц, переводчики используют вместо нее нейтральную лексику. Например, рус.: *Пошли, Алеша, – взмолилась генеральша* [2, с. 77] – бел.: *Пашли, Алёша, – пачала прасіць генеральша* [3, с. 344], польск.: *Poślij, Olesiu! – prosią żona generała* [4, с. 44].

В польских переводах подобные замены, представляющие собой понижение стилистического статуса слова, встречаются чаще, чем в белорусских. Например, рус.: *Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!*.. [2, с. 28] – бел.: *Калі я асмельваюся турбаваць ваша-ства, то толькі адчуваючы раскаянне* [3, с. 18], польск.: *Jeżeli ośmielał się niepokoić ekscelencyję... to z powodu tego, że czuję żal!*.. [4, с. 6].

Кроме того, из-за невозможности подбора книжной лексемы польский переводчик использует в качестве коррелята аналитическую структуру либо вовсе отказывается от включения труднопереводимой единицы в состав текста. В этом случае слову-оригиналу в переводе соответствует контекстуальная лакуна. Например, рус.: *Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза* [2, с. 28] – бел.: *Я ўчора прыходзіў турбаваць ваша-ства, – замармытаў ён, калі генерал дапытліва падняў на яго вочы* [3, с. 19], польск.: *Wczoraj byłem tutaj – murczał, kiedy generał popatrzył na niego* [4, с. 6].

При переводе разговорной лексики с русского языка на белорусский и польский переводчики используют следующие виды межъязыковых коррелятов:

1. *Единицы с тождественной стилистической маркированностью.* При интерпретации данной группы лексики эквивалентный перевод встречается чаще, чем при переводе книжных лексем (рус. *скотина* – бел. *жывёліна*, польск. *bydlaku*; рус. *каналья* – бел. *каналля*, польск. *kanalia*; рус. *брехать* – бел. *брахаць*; польск. *szczękać* и др.). Например, рус.: *Скользкий, шум, и ухватить не за что* [2, с. 73] – бел.: *Слізкі, падла, і ўхваціць няма за што* [3, с. 28] – польск.: *Sliska bestyja, i nie ma za co uchwycić* [4, с. 70].
2. *Единицы с иной стилистической маркированностью.* При переводе разговорной и просторечной лексики в белорусском и польском текстах могут использоваться лексемы, принадлежащие к нейтральному стилю. Например, рус.: *Ужо дашь полтинничек* [2, с. 75] – бел.: *Ужо дасі паўрубля* [3, с. 31], польск.: *Potem da rap półrubla* [4, с. 73]. Существительное *полтинничек* относится к разговорной лексике благодаря наличию в его структуре оценочного суффикса *-ек-*. Невозможность присоединения подобного словообразовательного форманта к основе белорусского и польского существительного вынуждает переводчиков использовать коррелят с иной морфемной структурой и, как следствие, с иной стилистической маркированностью.

Однако наличие стилистических синонимов в текстах переводов может объясняться не только объективными причинами, но и субъективным выбором переводчиков. Например, рус.: *Пастух, дряхлый старик с одним глазом и покривившимся ртом* [2, с. 74] – бел.: *Пастух, нядужы стары з адным вокам і скрыўленым ротам* [3, с. 30], польск.: *Pastuch, niedołężny starzec z jednym okiem i wykrzywionemi ustami* [4, с. 73].

В переводах на польский язык замена русской разговорной лексики на польскую нейтральную встречается чаще, чем в белорусских переводах. Данная закономерность объясняется не только субъективными причинами (большим вниманием белорусского переводчика к интерпретации сниженной русской лексики), но и объективными особенностями белорусской лексической системы, впитавшей в себя народно-разговорные и диалектные элементы, что позволяет переводчику подобрать полноценный в стилистическом плане эквивалент для русского слова. Например, рус.: *Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим* [2, с. 72] – бел.: *Каля купальні, якая яшчэ будуюцца, пад зялёнымі галі-*

намі вербалозу, боўтаецца ў вадзе цясляр Герасім [3, с. 28], польск.: *Koło nie gotowej jeszcze łazienki, pod zielonemi gałęziami wierzby robi coś w wodzie cieśla Harasym* [4, с. 70].

В польских переводах, в отличие от белорусских, встречается также пропуск русской сниженной лексики. Например, рус.: *Англичанку-то турнуть надо... При ней неловко раздеваться* [2, с. 31] – бел.: *Анлічанку памурыць трэба... Пры ёй нялоўка раздзявацца* [3, с. 295], польск.: *Ale jak tu się rozebrać przy Angielce* [4, с. 66].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стилистически маркированной лексике, употребление которой служит в юмористических рассказах А.П. Чехова одним из важнейших средств создания комического эффекта, в переводных текстах довольно часто соответствует лексика нейтральная. Маркированная лексика, обладающая различными эмоционально-экспрессивными оценками, а также культурными и историческими коннотациями, в обоих переводах представлена гораздо беднее, чем в оригинале. Это может объясняться как объективными лингвистическими факторами, так и субъективным выбором переводчиков, недостаточным вниманием к коннотативным характеристикам лексем переводимого текста. Подобные замены, на наш взгляд, в значительной степени способствуют смещению авторских смысловых акцентов, что, в свою очередь, ведет к искажению индивидуально-стилевой информации, заложенной в исходном тексте, ведь эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и коннотативного значения переводческих коррелятов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В.В.* О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. – 654 с.
2. *Чехов, А.П.* Избранные сочинения: в 2 т. / А.П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1986. – Т. 1. – 735 с.
3. *Чэхаў, А.П.* Выбраныя творы: Аповесці, апавяданні, камедыя / А.П. Чэхаў. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 645 с.
4. *Czechow, A.* Zbiór nowel / A. Czechow; tłumaczył z rosyjskiego J. Bissinger. – Lwów-Złoczów: Wilhelm Zuckerkandl, 1909. – 90 s.

SUMMARY

Different types of Belarusian and Polish translation's correlates of Russian stylistically marked words from the stories by Anton Chekhov are analyzed in the article. The comparative analyze of Belarusian and Polish translations have been done. The author explains the reasons of nonconformity between Russian stylistically marked words and translation's correlates.

Поступила в редакцию в 08.12.2011 г.